

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО
В ХОДЕ «ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»:
МЕМ-АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ СМИ

Е. М. Поляков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 августа 2010 г.

Аннотация: в статье анализируется информационное освещение событий в Южной Осетии в августе 2008 г. в российских печатных и электронных СМИ, а также предпринимается попытка на основе авторской модели объяснить причины и принципы искажения информации, поступающей из зоны конфликта.

Ключевые слова: информация, коммуникация, легитимность, психический вирус, Южная Осетия, конфликт, война, СМИ.

Abstract: in the article is analysed informative illumination of events in South Ossetia (August, 2008) in Russian printing and electronic mass-media, and also an attempt is undertaken on the basis of author model to explain reasons and principles of distortion of information, acting from the area of conflict.

Key words: information, communication, legitimacy, psychical virus, South Ossetia, conflict, war, mass-media.

Развернувшееся в августе 2008 г. вооруженное противоборство между Россией и Грузией за независимость Южной Осетии сопровождалось небывалым масштабом пропагандистских действий с обеих сторон, призванных легитимировать в глазах собственного населения и мировой общественности все действия, предпринимаемые сторонами конфликта.

Изучение последствий «Пятидневной войны» предполагает понимание механизмов информационного воздействия на население с учетом роли СМИ в передаче информации. В данной статье предпринята попытка проанализировать материалы российских СМИ с точки зрения меметики.

Прежде чем приступить к изложению непосредственной сути дела, необходимо провести операционализацию понятий, что позволит задать известную систему координат.

Операционализация понятий. Во-первых, определим категорию *легитимация*, сконцентрировавшись на важных для предмета исследования сторонах. По мнению одного из ведущих российских специалистов по легитимации власти в постсоветских государствах, она «связывается с элементом политической системы, специфической технологией, представляющей собой процесс признания, оправдания и подтверждения прав политической власти на принятие политических поступков, решений и действий, опираясь на насилие» [1, с. 35]. Здесь смысло-

вое ударение стоит на слове «насилие», которое можно трактовать довольно широко – не только как физическое или политическое, но и как информационное.

Другой отечественный исследователь, сформулировав свою трехуровневую модель легитимности, акцентирует внимание на «внешней» стороне, т.е. на «признании режима и его правящих групп со стороны других государств, международных организаций и влиятельных кругов, формирующих мировое общественное мнение» [2, с. 88].

Как известно, одним из аспектов конфликта августа 2008 г. со стороны Южной Осетии и Абхазии был именно поиск способа добиться признания мировым сообществом. Если же мы чуть расширим трактовку вышеприведенного определения, т.е. определим внешнюю легитимность как «признание *действий* режима...», то информационная война и поиск Россией и Грузией поддержки со стороны государств, не вовлеченных в конфликт напрямую, также можно рассматривать как борьбу за внешнюю легитимность своих действий в Южной Осетии.

Следует помнить, что театрализация политического дискурса способствует мобилизации аудитории на сигналы власти. Погружение в политический перформанс, возможность «побыть в гуще событий» оказывают колоссальное психологическое воздействие на людей. В сочетании с масштабными политическими потрясениями это приводит к утрате людьми способности

критически оценивать действительность и открывает «окно возможностей» для манипуляций [3, с. 64].

Вообще психологические механизмы политической легитимации во многом корреспондируют с политическими конфликтами. Легитимация может происходить на всех стадиях действия политического конфликта. Политический лидер, стратегии поведения которого нацелены на политическое признание, стремится радикализировать собственные претензии на право контроля за конкретным политическим дискурсом [1, с. 87].

Исследователи называют и другие механизмы политической легитимации. Так, к формам партиципаторных механизмов можно отнести пикеты, шествия, акции протеста, массовое воздействие на общественное мнение и даже открытое противостояние политическому режиму посредством участия в военных действиях [1, с. 90–93]; к технократическим – владение ораторским искусством и манипуляцией [4, с. 12]; к технологическим – различные политические технологии и пиар-акции [5, с. 6].

Вторая важная категория – *коммуникация* и связанные с ней понятия *информация* и *информационный обмен*. Субъект политической власти, будучи владельцем определенной информации, которая предназначена объекту политической власти, отправляя информацию, осуществляет коммуникацию [1, с. 87]. Под коммуникацией понимается ситуация, в которой отправитель имеет нечто, что он намерен передать получателю. Это нечто есть информационное сообщение [6, с. 93].

Таким образом, коммуникация тесно связана с информацией и механизмом ее передачи. В кибернетике информация понимается как последовательность сигналов, полученная из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему. Существует некий предельный объем информации, который можно передать без существенных искажений. Сами сигналы передаваемого сообщения являются формой организации. Как энтропия есть мера дезорганизации, так и передаваемая рядом сигналов информация является мерой организации. То есть чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации [7, с. 34].

Передача информации и сбой в ней возникают не по чистой случайности, но в связи с поведением индивида, которое может меняться под влиянием среды [8, с. 23–28]. Именно «человеческий фактор» в информационном противоборстве между Россией и Грузией играл определяющую роль в вопросе искажения информации.

Язык может быть рассмотрен и как способ [9, с. 367], и как средство передачи информации [10, с. 43], но в любом случае он понимается как *совокупность символов*, понятных адресату и отправителю сообщения. Коммуникация возможна лишь при условии понимания ее содержания, т.е. прочтения заложенных в политическом тексте смыслов. «Понимание политического текста аудиторией предполагает обратную связь с источником текста, осуществляемую на основе принятой и обработанной информации, включенной в пространство политического текста» [1, с. 122].

Как известно, основные функции языка – познавательная, выразительная, коммуникативная и манипулятивная – пересекаются и могут вступать в противоречия. Такие противоречия составляют особые трудности для носителей языка, не участвующих в коммуникации и все же в значительной степени зависимых от нее [11].

Именно коммуникативная и манипулятивная функции, точнее, то, как они реализовывались, определяло характер информационного взаимодействия в августе 2008 г.

Система политического текста состоит из трех элементов, находящихся в постоянной связи между собой, что обеспечивает тексту органичность и функциональность, – это источник, содержание и аудитория. Статусные претензии источника политического текста определяют его дальнейшую судьбу в политическом дискурсе.

Так, статус высшего государственного лица предполагает контроль за всем пространством политического текста, так как оно полностью организовывается и наполняется при его непосредственном участии. Политический текст неразрывно связан со своим автором, с его позиционированием в политическом дискурсе.

Содержание является тем материалом, который определяет активность политических акторов. Содержательный смысл политического текста продиктован необходимостью конкретных политических действий, оценок, реакций, периодически актуализирующихся перед его источником.

Содержание текста предполагает политическую необходимость той аудитории, к которой он апеллирует. Эффективный диалог с аудиторией возможен только на языке аудитории, что зачастую означает опрошение дискурса и применение метафор.

Информация, определяемая политической метафорой, с одной стороны, представляется аудитории уже в контексте того замысла, который важен источнику текста, а с другой – обе-

спечивает эффективность коммуникации [1, с. 122–141].

Наконец, третья важная категория – *мем* и дополняющее ее понятие *психический вирус*. Мем есть термин, изобретенный этологом Р. Доукинзом для обозначения мельчайшей единицы культуры, способной к самокопированию и самовоспроизводству [12, с. 178–180].

Большинство трактует мем как особую единицу культуры – репликатор, способный распространяться из мозга в мозг вопреки воле человека. На данный момент существует несколько определений мема. Это:

- основная единица культурной передачи или инициации;
- единица культурной наследственности, внутреннее представление знания;
- сложная составная идея, которая самоорганизуется в отдельную запоминаемую единицу и развертывается посредством внешних проявлений, которые являются выражением мема;
- единица информации в сознании, чье существование влияет на события так, что большее число ее копий возникает в других сознаниях [13, с. 29–36];
- заразные информационные паттерны, которые воспроизводятся паразитически, инфицируя сознание людей и видоизменяя их поведение, заставляя их распространять этот паттерн [14];
- элементарная единица информации, способная повторять себя, размножаться в параллельных или ей подобных системах, устанавливающая бесконечные связи, замкнутая сама на себе [15, с. 99–106];
- клише или развернутое междометие в сети Интернет [11].

Столь различные трактовки вызваны тем, что размер, строение и природа мема не могут быть точно определены, а механизм копирования и хранения мемов неизвестен [16, с. 118]. Для нас важны определения Р. Броуди и Г. Гусейнова (4 и 7), ибо возникшие в ходе войны в Южной Осетии мемы передавались почти мгновенно через электронные СМИ и Интернет, подобно эпидемии. Аналогичные соображения подвигли Р. Броуди сформулировать концепцию вирусного ума: «психические вирусы – такие «инфекционные» частицы нашей культуры, которые мгновенно поражают людей, изменяя их мысли и судьбы» [13, с. 12]. Психические вирусы могут возникать не только естественным путем, как в живой природе, но и искусственно создаваться человеком. Последние называются проектными вирусами, их предназначение – «инфицировать людей совокупностью мемов, вынуждающих распространять вирус среди других людей» [13,

с. 77]. Существует несколько способов оказаться «инфицированным»: психическая обработка такого рода, которая осуществляется посредством повторения какой-либо информации (conditioning); создание когнитивного диссонанса и последующее его снятие автором вируса; использование наших генетических «чувствительных точек» – опасность, еда, секс, забота о детях [13, с. 175–208].

Очевидно, что современные СМИ обладают возможностью инфицировать аудиторию всеми способами, однако наиболее эффективным, по Броуди, является механизм когнитивного диссонанса: «система убеждений, которая создает искусственную угрозу, одновременно указывая на пути ее преодоления, обладает огромной силой воздействия» [13, с. 253].

Следует отметить, что мемы не распространяются поодиночке. Они проникают в наш разум, используя «тройного коня»: нужный или интересный мем пробивает психологическую защиту и увлекает за собой другие. Группа мемов, работающих вместе, называется «*мемплекс*». Пример – общераспространенные e-mail вирусы, которые побуждают вас передавать срочное предупреждение всем вашим друзьям [17].

Некоторые мемы даже способны вызвать резкую реакцию отторжения, которая называется *мем-аллергия*. В массовом сознании и поведении она принимает вид всевозможных фобий. Признаками мем-аллергической реакции являются требования цензуры, акты вандализма, угрозы или физическое насилие по отношению к носителям неугодного мема [18].

Построение модели. Теперь, когда мы задали «систему координат», можно приступать к формулировке гипотезы и построению модели. В качестве теоретической базы нам послужат уже использованные монографии и научные статьи, а в качестве эмпирической базы – публикации ряда российских газет и рунета.

Были изучены статьи, вышедшие в ходе августовского кризиса-2008 в Южной Осетии в правительственных изданиях «Российская газета» и «Красная звезда», а также в частных изданиях «Труд», «Известия», «Независимая газета». Для полноты картины и изучения очередности событий были использованы данные новостного агентства «Лента.ру».

Гипотеза такова: возникавшие в ходе «Пятидневной войны» мемы представляли собой психические вирусы в трактовке Р. Броуди и искажали реальность в угоду политически мотивированной точке зрения о причинах начала и характере хода военных действий с целью добиться легитимации своих действий со стороны населения России.

Целый ряд мемов был внедрен в массовое сознание в ходе освещения российско-грузинского военного противоборства в Южной Осетии в августе 2008: «вероломное нападение», «геноцид», «две тысячи погибших», «Цхинвали стерт с лица земли», «давили танками детей и стариков» и др.

Попытаемся отследить их эволюцию.

1. *Вероломное нападение.* Возникновение этого мема произошло спонтанно. До начала боевых действий официальная позиция России была нейтральной. Вот как описывала ситуацию 5 августа «Российская газета»: «Кто открывает огонь, точно сказать невозможно. <...> Звучит цинично, но обострение ситуации в регионе отвечает интересам как Тбилиси, так и Цхинвали» [19, с. 1–6]. После начала войны позиция скорректировалась в пользу ретрансляции точки зрения южно-осетинских властей [20, с. 3] или же стали давить на одну из «чувствительных точек» – опасность [21, с. 2]. Вместе с этим мемом был распространён мем об «уничтожении миротворческого батальона», хотя уже 9 августа было известно, что погибло 13 миротворцев [22]. Затем данный мем был ретранслирован через электронные СМИ (телевидение и Интернет) и стал восприниматься как безусловный факт, не являясь таковым.

2. *Геноцид.* Впервые категория «геноцид», имеющая строго определенное международно-правовое значение, была использована публично 11 августа. Некоторые издания в этот день опубликовали заметки с высказываниями В. Путина о событиях в Цхинвали [23, с. 2; 24, с. 4; 25, с. 6]. В последующие дни эту точку зрения подхватили другие официальные лица – Д. Медведев [26, с. 1–2], В. Чуркин [27, с. 6], Г. Зюганов [28, с. 1], а также официальные издания [29, с. 1–3]. Эта трактовка событий была воспроизведена даже в рамках СБ ООН [30, с. 6–7], хотя доказательств не представлено до сих пор.

3. *Две тысячи погибших.* Наиболее опасный «вирус ума», поразивший российские СМИ и особенно Интернет. В Сети первые заявления подобного рода озвучил С. Лавров еще 9 августа [31]. Печатные публикации, называвшие такую или близкую цифру потерь гражданского населения, появились почти одновременно с предыдущим мемом – 11–12 августа [32, с. 1–3; 33, с. 6; 34, с. 2] и так же, как в случае с геноцидом или вероломным нападением, опирались на заявления российских или осетинских политиков.

4. *Цхинвали стерт с лица земли.* Возникновение этого мема, очевидно, связано с желанием демонизировать грузинское руководство и в первую очередь М. Саакашвили в глазах общественного мнения России и Запада. При этом в качестве подтверждения тезиса приводились

слова непосредственных участников конфликта [35, с. 3; 36, с. 5] или российских дипломатов, по определению не могущих знать реальное положение дел, например постпреда при ООН В. Чуркина [37, с. 6]. Однако год спустя была «официально подтверждена гибель 162 мирных жителей в результате агрессии Грузии против Южной Осетии» [38].

5. *Давили танками детей и стариков.* Распространение этого мема также было инициировано В. Путиным и Д. Медведевым [39, с. 1]. Акцент делался на сообщения очевидцев об убийствах незащитного населения, но эти сообщения подавались в характерной манере, будучи интерпретированными премьер-министром, и, по сути, представляли собой новый авторский текст [40, с. 1–2]. В тех случаях, когда слово предоставляли собственно беженцам, получался «испорченный телефон». Например, Джозеф Местас, представленный в статье как очевидец, в интервью «Известиям» сообщал: «От хороших знакомых я знаю, что...» или «Я недавно разговаривал с женщинами-беженцами из Цхинвали. Они рассказали, что...» (курсив наш. – Е. П.) [41, с. 31]. Иногда в качестве свидетелей выступали чиновники Южной Осетии, чья объективность в освещении событий, очевидно, сомнительна [42, с. 1–3]. Этот мем также был вынесен на международную арену без всяких подтверждений (по крайней мере, на настоящий момент): так, министр С. Лавров заявил, что грузинские военные дошли до того, что начали «давить танками женщин и детей и поджигать сараи с запертыми в них девушками» [43, с. 4].

Если привести к общему знаменателю характеристики рассмотренных выше мемов, то получим следующую структуру мемов российско-грузинской войны:

	Источник	Способ репликации	Длительность действия*	Тип
Вероломное нападение	Власти РЮО	«Чувствительные точки» (опасность)	Первые дни войны	Психический вирус
Геноцид	Российская элита	Когнитивный диссонанс	В ходе всей войны	Проектный вирус
2000 погибших	Дипломаты и военные	Психическая обработка (conditioning)	Более года	Психический вирус
Цхинвали разрушен	Журналисты, очевидцы	«Чувствительные точки» (опасность)	Более года	Проектный вирус
Танки давят детей	Российская элита	«Чувствительные точки» (забота о детях)	Более года	Проектный вирус

* Имеется в виду, сколько долго публикации, содержащие данный вирус, встречались в центральной прессе.

Таким образом, можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, наиболее жизнеспособными оказались «проектные вирусы», т.е. искусственные мемы, создатели которых использовали вполне конкретные цели.

Во-вторых, наиболее жизнестойкими оказались связанные мемы (2000 погибших – разрушенный Цхинвали), которые употреблялись в СМИ подчас в одной и той же статье и внедрялись в массовое сознание путем давления на «чувствительные точки» или психической обработки населения.

В-третьих, вопреки многим сообщениям о том, что Россия проиграла информационную войну [44, с. 7], или о том, что западные СМИ неадекватно освещают события в Южной Осетии и тем самым вредят России и мирному урегулированию [45, с. 2; 46, с. 4], можно утверждать победу России в информационном противоборстве.

Все мемы о войне, созданные в российском информационном пространстве, оказались удачно реплицируемы, а их «вирусная» природа помогла легитимировать силовые действия национальной элиты за пределами страны впервые со времен Афганистана [47].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скиперских А.* Дискурс легитимации власти : герменевтика, теоретические модели, механизмы функционирования / А. Скиперских. – Елец : ЕГУ, 2008.
2. *Зубок В.* Источники делегитимизации советского режима / В. Зубок // Политические исследования. – 1994. – № 2.
3. *Кара-Мурза С.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили.../ С. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2005.
4. *Ледяев В.* Формы власти : типологический анализ / В. Ледяев // Политические исследования. – 2000. – № 2.
5. *Скиперских А.* Технологии политической легитимации / А. Скиперских. – Елец : ЕГУ, 2005.
6. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987.
7. *Винер Н.* Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958.
8. *Шредингер Э.* Разум и материя / Э. Шредингер. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
9. *Мареев С.* Феноменология Э. Гуссерля / С. Мареев // Философия XX века. – М. : Академический проспект, 2001.
10. *Трескова С.* Социолингвистические проблемы массовой коммуникации / С. Трескова. – М. : Наука, 1989.
11. *Гусейнов Г.* Неполная коммуникация в блогосфере : эрративы и литуративы : (доклад в Кембриджском университете) / Г. Гусейнов. – Режим доступа: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>
12. *Доукинз Р.* Эгоистичный ген / Р. Доукинз. – М. : Мир, 1993.
13. *Броуди Р.* Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / Р. Броуди. – М. : Поколение, 2007.
14. *Томас Б.* Руководство по мемам : путеводитель пользователя по вирусам сознания (Версия 1.1) / Б. Томас. – Режим доступа: <http://asocial.narod.ru/material/memes.htm>
15. *Менегетти А.* Тезаурус : словарь онтопсихологических терминов / А. Менегетти. – М. : БФ «Онтопсихология», 2007.
16. *Чик Г.* Единицы культуры / Г. Чик // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 111–122.
17. *Blackmore S.* The Evolution of Meme Machines / S. Blackmore. – Режим доступа: <http://www.susanblackmore.co.uk/Conferences/Ontopsych.htm>
18. *Blackmore S.* The Meme Machine / S. Blackmore. – Режим доступа: <http://www.susanblackmore.co.uk/Books/Meme%20Machine/Chapter%201.htm>
19. *Шестаков Е.* С юга на север : продолжается эвакуация детей из Южной Осетии / Е. Шестаков // Рос. газета. – 2008. – № 164.
20. *Воробьев В.* Цхинвал ночных атак / В. Воробьев // Рос. газета. – 2008. – № 168.
21. *Перевозкина М.* Это не конфликт, это война / М. Перевозкина // Независимая газета. – 2008. – № 165–166.
22. *Коноваленко В.* Пресс-конференция посла России в Грузии. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/08/09/dead1>
23. *Ильичев Г.* Россия вступила в войну с Грузией / Г. Ильичев // Труд. – 2008. – № 147.
24. *Билевская Э.* Владимир Путин : «Это элементы какого-то геноцида» / Э. Билевская, А. Самарина // Независимая газета. – 2008. – № 167.
25. *Григорьев Е.* Владимир Путин : «Это геноцид осетинского народа» / Е. Григорьев // Известия. – 2008. – № 146.
26. *Богданов В.* Геноцид без срока давности / В. Богданов, В. Федосеев // Рос. газета. – 2008. – № 169.
27. *Полищук О.* Главное условие – грузинские войска должны уйти из Южной Осетии : (интервью с В. Чуркиным) / О. Полищук // Труд. – 2008. – № 147.
28. *Зюганов Г.* Воспитанный Вашингтоном тбилисский фюрер устроил геноцид в Южной Осетии / Г. Зюганов // Правда. – 2008. – № 55.
29. *Мохов В.* Агрессоров надо наказывать / В. Мохов // Красная звезда. – 2008. – № 141.

30. Ремчуков К. Виталий Чуркин : «Санкции являются последним аргументом» / К. Ремчуков // Независимая газета. – 2008. – № 169.

31. Лавров С. Пресс-конференция для иностранных журналистов. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/08/09/victims>

32. Гамова С. Миссия невыполнима / С. Гамова // Независимая газета. – 2008. – № 167.

33. Кочиева Д. Я готова была умереть от пули снайпера / Д. Кочиева // Труд. – 2008. – № 148.

34. Свиридов П. Блицкриг сорван / П. Свиридов // Труд. – 2008. – № 86.

35. Кулахметов М. В Южную Осетию входят российские войска / М. Кулахметов // Советская Россия. – 2008. – № 85.

36. Иашвили А. Никогда не думал, что буду стрелять в русских / А. Иашвили // Известия. – 2008. – № 146.

37. Заволокин П. Цхинвали – город, которого нет / П. Заволокин // Красная звезда. – 2008. – № 144.

38. Бастрыкин А. СКП подсчитал жертвы геноцида. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/07/03/victims/index/html>

39. Гафутулин Н. Главное – помочь людям / Н. Гафутулин // Красная звезда. – 2008. – № 140.

40. Латышев А. «Удивляет масштаб цинизма...» / А. Латышев // Известия. – 2008. – № 147.

41. Гритчин Н. Саакашвили хуже, чем Гитлер / Н. Гритчин // Известия. – 2008. – № 147.

42. Гритчин Н. Танки в упор били по жилым домам / Н. Гритчин // Известия. – 2008. – № 145.

43. Фокина К. Сергей Лавров «нокаутировал» госсекретаря США / К. Фокина // Известия. – 2008. – № 148.

44. Соловьев В. «От российского информбюро...» – не получилось / В. Соловьев // Независимая газета. – 2008. – № 173.

45. Салахитдинова М. Осетинам не дали слова / М. Салахитдинова // Труд. – 2008. – № 152.

46. Самарина А. Девочка и шоумен / А. Самарина // Независимая газета. – 2008. – № 173.

47. Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10741.html?no_cache=1&cHash=deaf9dadff

Воронежский государственный университет

Поляков Е. М., преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: bruenen@mail.ru

Тел.: 8(4732) 21-27-43

Voronezh State University

Polyakov E. M., Lecturer of the Sociological and Political Science Department

E-mail: bruenen@mail.ru

Tel.: 8(4732) 21-27-43